

Хочется особенно отметить, что содержащиеся в пояснительном тексте материалы отнюдь не являются простой сводкой этностатистических фактов и цифр. Приводимые С. И. Бруком данные характеризуют протекающие в переднеазиатских странах современные этнические процессы, говорят о продолжающейся в Турции, Иране, Израиле политике угнетения национальных меньшинств, о тяжелом положении женщины и т. д. Другим достоинством работы является то, что, насколько позволяют рамки публикации, автор стремится показать этнический состав не статично, а в его историческом развитии. Оба эти обстоятельства примечательны: они свидетельствуют, что присущие советской этнографической школе принципы партийности и историзма прочно утвердились и в такой, казалось бы, специфической области этнографии, как этническая картография и статистика.

В пояснительном тексте к карте народов Передней Азии есть отдельные неточности и редакционные промахи. Так, переднеазиатские «черкесы» являются выходцами не только с Северного Кавказа (стр. 16): в их состав вошли также закавказские (абхазские и аджарские) мухаджирь. Арабы-шииты живут не только в Ираке, Ливане и Йемене (стр. 28): они есть почти во всех странах Аравийского полуострова (бахарина в Бахрейне и Катаре, хассские шииты в Саудовской Аравии и пр.). Фарси-кабули — не самостоятельный язык (стр. 38), а наречие таджикского языка. Не всегда (это относится и к карте) достаточно продумано написание этнонимов: например, неясно, почему автор пишет «нафар», «теймурташ», «какар» и в то же время «ашфары», «каджары», «исхак-зай». В тексте довольно много опечаток: «Моргенстиерн» вместо «Моргенстерне» (стр. 45), «Инграс» вместо «Инграмс» (стр. 45), «Деморни» вместо «Деморньи» (стр. 47), «Кушнеки» вместо «Кушкеки» (стр. 49), «О. Рейхани» вместо «А. Рейхани» (стр. 51). Есть они и на карте: «тиджаха» вместо «тийаха», «шахран» вместо «захран», «33» вместо «53», в результате чего на о-ве Кипр вместо армян показаны... бахтиары.

Подобного рода мелкие недосчеты досадны, но легко исправимы при последующем переиздании. Общая же оценка как карты народов Передней Азии, так и сопровождающего ее пояснительного текста должна быть весьма высока. Рецензируемая публикация — актуальный и ценный научный труд, к которому будут обращаться все, кто занимается этнографией или историей, географией или экономикой стран Передней Азии.

А. Першиц

Gabrielle Bertrand. *Secret Lands where Women reign*. London, 1958, 215 стр.

Известная французская журналистка и путешественница Габриэль Бертран — член нескольких литературных и географических обществ, посетившая десятки различных стран, в том числе Северную Африку и Европу, Индокитай и Бирму, Китай и Индонезию — совершила в 1953—1954 гг. поездку в район горного Ассама (Восточная Индия). В результате этой поездки вышла в свет книга, которая является предметом настоящей рецензии. Эту книгу нельзя назвать этнографическим исследованием, однако огромный опыт писательницы, пристальный интерес к жизни изучаемых народов, умение подметить наиболее характерные черты их быта и разобраться в сложной общественной структуре делают ее записи ценным нособом для этнографа.

Целью путешествия Бертран были три области горного Ассама: горы Гаро, область гор Кхаси и Джайнтья и район у северной гималайской границы Ассама, место обитания народов апа-тани, дафла, абор и др. Приложенная карта позволяет проследить проделанный экспедицией путь: вступив на территорию Ассама через Голакгандж, она через Гаурипур и Гоалпару направились в горы Гаро, достигнув административного центра этого района — Туры. После трехмесячного пребывания в горах Гаро экспедиция вернулась в Гоалпару, а оттуда через Гаухати проникла в область обитания народов кхаси, где пробыла с января по март 1954 г. Последний этап путешествия — в страну апа-тани начался с продвижения к Садии, т. е. на крайний северо-восток Ассама. С трудом перебравшись у Дибругарха в северную пограничную область, экспедиция вернулась в Гаурипур по северному берегу Брахмапутры, вдоль внутренней пограничной линии. Таким образом, маршрут экспедиции пролегал по труднодоступным и малоисследованным районам Индии.

Книга состоит из пяти глав, из которых мы остановимся на трех (II, III, IV), представляющих непосредственный этнографический интерес, в то время как первая и пятая содержат в основном описания самого путешествия, природы, княжеской охоты. К сожалению, народы северной зоны (глава IV), особенно нуждающиеся в изучении, у Бертран описаны наименее полно, что, по-видимому, объясняется недостатком времени и трудными условиями работы. В центре внимания автора находятся два народа — гаро и кхаси, единственные среди ассамских народностей, сохраняющие матрилинейную организацию. Это обстоятельство обычно привлекало к ним внимание исследователей. Кроме специальных работ, написанных полвека назад¹, им посвящен ряд статей

¹ См., например, A. Playfair, *The Garos*, London, 190

(Дж. Боза, О. Эренфельса, Бхаттачарии, К. Чаттопадхьяйи и других) по частным вопросам их своеобразной социальной структуры; статьи эти представляют чисто теоретический интерес. Записанные пером очевидца впечатления Бертран об этих народах позволяют на современном материале проверить жизненность сведений, известных нам ранее, а в отдельных случаях и дополнить их.

Главу о гаро (стр. 37—123) Бертран начинает с краткого исторического и этногенетического экскурса, после чего главное свое внимание она уделяет социальной организации гаро. Эта организация очень сложна, далеко не все ее стороны ясны для нас. Достаточно сказать, что понятие «махари», лежащее в основе матрилинейной структуры гаро, до сих пор не нашло единодушного определения у исследователей. Так, у О. Эренфельса и Г. Косты махари выступает как род или родовая группа, причем Г. Коста различает понятия махари и «мачонг» (материнская линия), а у Эренфельса эти понятия совпадают, Бастиан подменяет махари понятием мачонг. Е. Дальтон принимает махари за существовавшие когда-то у гаро большие дома, Р. Вуд не дифференцирует махари и большую семью и т. д. Скорей всего, махари следует понимать как материнский род гаро, сохраняющийся в современных условиях; это вытекает даже из тех описаний махари, где ему дается другое терминологическое определение. Таким выступает махари и у Бертран в ее описаниях экзогамных функций махари и др. Однако Бертран определяет его «своего рода семейным советом» (стр. 64); по-видимому, здесь имеется в виду «чратанг» — совет махари, который действует от лица последнего, но не тождествен ему.

В книге Бертран рассматриваются многие вопросы, связанные с социальной структурой гаро, правила брака и наследования, наказания за нарушение общинных и родовых обычаев, рассказы о тотемах. Не все эти вопросы освещены достаточно полно. В ряде случаев (например, при описании трех групп законов гаро или в рассказах о тотемическом происхождении отдельных родов) Бертран лишь повторяет то, что нам уже было известно из работ Г. Косты или А. Плейфэра. Достоинством книги Бертран является, во-первых, обилие местных терминов, названий и определений, которые приводятся постоянно, во-вторых, большое количество живых примеров и иллюстраций, подтверждающих те или иные положения автора, обилие описательного материала. Примером этого может служить описание Бертран так называемой «системы нокром». Это — в высшей степени своеобразный институт, суть которого состоит в том, что наследницей собственности у гаро всегда является дочь (имущество никогда не выходит за пределы рода матери), а муж дочери-наследницы (нокром) должен обязательно принадлежать к роду ее отца (чаще всего — сын сестры отца), за которым таким образом закрепляется право контроля за имуществом. Чтобы удержать это право, нокром после смерти тестя должен жениться на его вдове — владелице имущества, становясь одновременно мужем и дочери, и матери. Эта довольно искусственная по видимости система в изложении Бертран предстает перед нами в действии: проводник путешественницы Марак был нокромом, т. е., по его словам, «отчимом собственной жены». На примере того же проводника Марак мы получаем наглядное представление о форме полигамии у гаро, о положении в семье старшей и других жен, которых старшая называет племянницами или дочерьми. Обычай предписывает жениху скрываться от своей невесты во время помолвки. Бертран случилось быть свидетелем этой, как жених, исполняя этот обычай, убежал в третий раз и был пойман родственниками невесты, которая с волнением ждала, убежит ли он в четвертый раз, что означало бы отказ от ее предложения.

Жизнь гаро, как и других отставших в своем развитии народов, пронизана множеством суеверий, обрядов, поверий. Бертран переносит нас с праздника по случаю обручения на церемонию постройки дома, описывает подробности погребального обряда, приводит тексты песен, исполняемых по каждому из этих случаев. В бережно записанных песнях наглядно отражается жизнь гаро — повседневный труд на земле, постоянно призываемые на помощь боги, взаимоотношения родных и соседей. Большим торжеством является вступление мальчика гаро в «дом холостяков». Из описания жертвоприношения, сопутствующего этому событию, «дом холостяков» представляется учреждением более действенным, чем можно было ожидать в современных условиях. Если он перестал быть выразителем коллективного авторитета общины, стоящим на страже ее интересов, то за ним сохранилась роль деревенского клуба и общественно-религиозного центра, в котором всегда оживленно, где звучат рассказы о старине и родовые предания, поддерживая традиции и общинный дух.

Особо следует остановиться на фольклоре гаро, на тех преданиях и легендах, которыми Бертран щедро насытила повесть о своем путешествии. Это и рассказы о происхождении народа гаро и отдельных его подгрупп, и предания о богах, о сотворении мира, и легенды о происхождении многочисленных суеверий и табу гаро. Многие из этих рассказов известны нам по работе Плейфэра, причем в ряде случаев наблюдается почти полное текстуальное совпадение; таковы, например, легенды о появлении из-за Гималаев народа ачик (самоназвание гаро), о мачаду — людях-тиграх, о происхождении грома и молнии, затмений и землетрясений, о загробном мире, звездах и созвездиях. Такое совпадение вариантов у различных авторов можно, вероятно, объяснить тем, что и Бертран, и Плейфэр

представлений гаро о своем прошлом и об окружающем мире, являются наиболее популярными среди них, часто пересказываются и в связи с этим приобрели более или менее стандартную форму. Вместе с тем Бертран приводит и совсем новые для нас легенды.

Очень интересен рассказ о происхождении табу (или, как их называют гаро, «маранг»), история о Маранг-Старанге, рожденном от женщины, но впоследствии воплотившемся в семи формах и явившемся людям в семи случаях, каждый раз при особо трагических обстоятельствах. Предотвратить его следующее появление и призвано табу. Эта легенда интересна тем, что в ней ощущается отражение идей индуизма, которому свойственна мысль о воплощениях — аватарах. Среди множества табу, приводимых автором, только одно относится к целой общине (запрещение работать на поле, когда в деревне родится ребенок), все остальные являются индивидуальными. В поисках сведений о старине Бертран и ее спутники познакомились с Микат Сангмой, в прошлом активным деятелем гаро, а в описываемый момент — прожатым отшельником, сохранившим в своей памяти множество преданий о прошлом и настоящем его народа. Его рассказы, записанные Бертран, о происхождении кошмаров, о постройке лестницы на луну представляют большую ценность.

* * *

В главе, посвященной кхаси (стр. 123—175), Бертран переносит нас в другой мир. Вместо теплых, болотистых джунглей — суровые каменные вершины и народ, словно находящийся под воздействием этих гор, — болсе замкнутый, чем гаро, народ, положение которого не так легко добиться. Эта разница, обычно незаметная в трудах исследователей, живо ощущается у Бертран. Если главной целью путешествия Бертран в страну гаро было изучение их социальной организации, то вряд ли это можно сказать о кхаси. Приводимые в этой главе сведения социального характера в значительной степени почерпнуты из имеющейся литературы по кхаси, внимательно изученной Бертран. Это касается и правил землевладения, изложенных точно по П. Гердоу, и, по-видимому, описания родов и каст кхаси, в котором отсутствует ясность изложения. Так, Бертран пишет, что роды кхаси разделены на касты, расположенные на различных ступенях социальной лестницы. Едва ли это так. Нам известно, что у кхаси, как и у большинства малых народов горного Ассамы, сохраняется род — «кур», роль которого в настоящее время ограничивается сферой семейно-брачных отношений. Что же касается каст, то упоминания о них нет ни у Гердона, ни у Чаттопадхьяи, ни у других известных нам исследователей кхаси. По всей вероятности, в результате социального и имущественного неравенства, существовавшего в феодальном княжестве кхаси, у кхаси могли возникнуть отдельные замкнутые группы, напоминающие свойственные вообще Индии касты; возможно, что некоторые роды (например, род раджи или род его отца) оказались на вершине социальной лестницы, образуя привилегированное сословие. Таким образом, это положение Бертран требует уточнения.

Значительно больший интерес представляют те страницы, которые автор посвящает своим непосредственным наблюдениям над различными сторонами жизни кхаси. Таков, например, неизвестный нам ранее материал о трех формах брака у кхаси — в соответствии с социальным рангом и имущественным положением. Жрец, совершающий обряд бракосочетания, призывает родственников, чье благословение должно дать молодым силу и мужество, необходимые для счастья: прежде всего следует обратиться к матери, затем — к дяде по матери, далее — к отцу, к старшей из прабабок и т. д. Бертран приводит любопытный пример — брак англичанина капитана Ханта и женщины кхаси. Этот пример интересен с разных точек зрения. Во-первых, брак этот был совершен по законам кхаси, дочь от него приняла имя матери. Будущая жена капитана Ханта выбрала себе мужа по собственному усмотрению. С другой стороны, мы здесь убеждаемся в неожиданно строгом соблюдении экзогамности рода, во всяком случае — о признании большой важности соблюдения этого закона. В ряде случаев брак запрещается и между членами двух определенных родов. Поэтому браки с европейцами становятся не только возможными, но и желательными, так как в этих случаях совершенно исключается возможность существования каких-либо родственных отношений между супругами.

Наблюдения Бертран над жизнью кхаси приводят ее к заключению, что матрилинейная организация «сослужила добрую службу их народу и уничтожение ее привело бы к уменьшению их жизнеспособности» (стр. 137). По словам Бертран, слух о том, что правительство Индии собирается уничтожить матрилинейную систему, пугает кхаси. Искусственное разрушение матрилинейной структуры у кхаси неизбежно привело бы к окончательному распаду всей родовой организации, так как сменявшая ее патрилинейность установилась бы уже в рамках семьи. Это предполагаемое нарушение устоявшегося порядка кажется кхаси ошибкой.

Многие факты, приводимые Бертран, рисуют кхаси как народ с установившимся феодальным строем, во многом отличным от строя гаро. Строй этот характеризуется административным устройством княжества, с снемом во главе, при котором имеется дарбар — исполнительный и юридический орган, с сирдарами, стоящими во главе крупных деревень и собирающими налог, с лингскорами, которые контролируют наиболее удаленных сирдаров. О том же свидетельствует и суд, на который громкими криками.

глашатаи зывают народ, и народ не смеет ослушаться. Описание процедуры суда, опроса свидетелей, вынесения решений рисуют его как суд типично феодальный, имеющих мало общего с судом других горных народов. Да и описание городка кхаси с железными крышами домов, с резиденцией счема в центре говорит о сравнительно высоком уровне развития этого народа.

Как и в главе о гаро, несомненно удачным является подробное изложение различных обрядов кхаси, среди которых хочется выделить погребальную церемонию. Кхаси строго оберегают от посторонних глаз все действия, связанные с проводом мертвых, и то, что Бертран удалось найти доступ на это таинство, приоткрыло новую сторону духовной жизни кхаси.

На страницах, посвященных описанию материальной культуры, особенно интересен рассказ об остатках литейной мастерской, свидетельствующий о том, что кхаси знали в прошлом плавку металла и этим отличались от своих горных соседей. Нередко знакомство с плавкой железа служит стимулом для перехода от матрилинейности к патрилинейности. Пример кхаси, которые, несмотря на несомненное знание этого искусства, тем не менее и сейчас сохраняют матрилинейность, говорит о том, что этот вопрос требует дальнейшего уточнения.

На основе имеющейся литературы Бертран дает краткую сводку религиозных представлений и пантеона кхаси. Хорошо описан культ предков, играющий очень большую роль в религии кхаси. Правильным представляется и положение Бертран, что, несмотря на некоторую видимость культа богини-матери, у кхаси господствует анимизм, так что невозможно выделить какое-либо главное божество. Жрецы у кхаси, в отличие от гаро, составляют особую социальную группу и играют заметную роль в общественной жизни. Наибольший интерес в этом разделе представляют материалы о священных камнях, собранные самой Бертран. Эти монолиты, составляющие одну из характернейших особенностей страны кхаси, предстают в книге Бертран во всем своем многообразии. Группы из несчетного числа камней, разнообразных по форме и величине, можно встретить по всем горам Кхаси, причем форма их позволяет определить — предку мужского или женского пола они посвящены. Причудливые силуэты камней хранят в себе не вполне разгаданную тайну, проникновение в которую сулит немало интересного.

Глава о кхаси, как и раздел, посвященный гаро, насыщена множеством преданий и поверий, в которых отражаются отношения кхаси к окружающему миру. Ряд легенд, такие, как сказание о водопаде или о пятнах на луне, записанные Бертран со слов встретившегося ей миссионера, в тех же вариантах, но с большим количеством деталей рассказаны в книге К. Рэфи «Народные предания кхаси»², основывающейся также на миссионерских материалах. Особенной популярностью среди кхаси пользуется легенда о змее У Тхлен, постоянно приводимая исследователями. Эта легенда в изложении Бертран интересна для нас тем, что мы наглядно видим жизненность суеверий, которые нашли в ней такое образное воплощение. В правительственной печати отмечается, что даже и сейчас случаются человеческие жертвоприношения священной змее. Описание заклинаний, обращенных к змее, выбора жертвы и постепенной подготовки ее к смерти — все это дает почувствовать ту тревожную обстановку, полную суеверного ужаса, которая царит в деревнях, где развит культ змеи У Тхлен.

Большое внимание уделяется в книге реке Копили, которая символизирует божество, популярное не только у кхаси, но и среди населения всего Ассама, воспетое в многочисленных песнях и легендах. Другая знаменитая по всему Ассаму святая — храм Камакхья, с которой Бертран познакомилась после возвращения из гор Кхаси. Это — центр шактизма и культа богини-матери; скульптуры, фрески, украшающие храм, воссоздают всю религиозную историю Ассама.

* * *

Последний этап путешествия Бертран проходил по тяжелому пути в далекие отроги Гималаев, в края, куда редко ступала нога европейца. К сожалению, Бертран ставила перед собой скромные задачи, а именно — познакомить европейского читателя с обитателями пригималайских областей с помощью фото- и киносъемок. Об этих народах — абор, дафла, апа-тани — известно очень мало. Издавна славилась они своей воинственностью и непокорностью, которые не могли сломить многочисленные карательные экспедиции, посылавшиеся туда британским правительством колониальной Индии. Если об аборах в журнале «Ванья-джати» и правительственных сообщениях за последние годы стали появляться некоторые сведения, то о дафла и апа-тани почти не пишут. Особенно нуждаются в описании апа-тани, народность численностью в двадцать с лишним тысяч человек, живущая в окружении дафла. Интересно, что о существовании этого народа неизвестно даже многим ассамцам. Первым из европейцев в долину апа-тани спустился Фюрер-Хаймендорф в 1944 г., описание которого остается единственным источником наших сведений об этом народе. По своей культуре апа-тани во многом стоят выше окружающих племен. В настоящее время у них происходит процесс формирования территориальной общины и классовых отношений. Исключительно своеобразная организация апа-тани изложена Бертран очень сжато. Не вполне ясным остается для

² K

читателя, что (представляют собой «две экзогамные касты» апа-тани, к тому же разделенные на роды. Видимо, социальная структура этого народа требует дальнейшего изучения. С уверенностью можно говорить о том, что апа-тани — древние земледельцы. Об этом свидетельствует как высокая культура земледелия (орошение рисовых полей при помощи искусно сделанной многокилометровой системы маленьких запруд), так и поэтичная легенда, которую сложили апа-тани о своем происхождении из зерен риса.

Наши сведения об апа-тани и их соседях настолько скудны, что даже отдельные замечания Бертран должны быть учтены. Давние традиции старой родовой мести дают себя знать в коротком описании поединка носильщика дафла и апа-тани. Интересен рассказ о патангах, которые представляют собой соединение групп коллективного труда и клубов для молодежи обоих полов; зажиточный хозяин может нанять такую группу на время сбора урожая. При этом он платит им определенную сумму денег, которая делится поровну между всеми членами. Таким образом, и в эти удаленные районы проникли деньги, и здесь происходят те же процессы социального и имущественного расслоения, что и в других местах. Правда, Бертран отмечает, что это единственный случай, когда оплата производится не натурой. Но процесс перехода на денежное хозяйство начинается.

* * *

Книгу Г. Бертран с несомненной пользой прочитает каждый, интересующийся народами Восточной Индии. Автор не ставит перед собой больших исследовательских задач, но богатый, интересно изложенный описательный материал свидетельствует о серьезной и увлеченной работе. Книга Бертран дает нам живое ощущение того, как живут, чем интересуются маленькие народности далекого горного района, расширяет и обогащает наше знакомство с ними. В заключение хочется отметить, что книга написана в очень дружественном тоне, с чувством большого уважения к исследуемым народам.

С. Маретина

НАРОДЫ АФРИКИ

Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Арабские источники VII—X веков. Подготовка текстов и переводы Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. Ответственные редакторы В. И. Беляев и Д. А. Ольдерогге. Изд. АН СССР, М.—Л, 1960, 398 стр.

Задуманное Институтом этнографии АН СССР издание многотомного свода арабских источников по этнографии и истории народов Тропической Африки — задача большого научного значения, впервые и своевременно поставленная в нашей стране. Первым плодом этого широкого замысла явился рецензируемый том, охватывающий источники VII—X вв.

В арабской литературе этого периода нет самостоятельных сочинений, целиком посвященных описанию Африки, поэтому том складывается из фрагментов. В него включены отрывки из двадцати одного сочинения восемнадцати арабоязычных географов и историков (в том числе двух христианских авторов), из одного энциклопедического сочинения, принадлежащего группе авторов, и из четырех сочинений по математической географии. Эти отрывки расположены в хронологическом порядке и даны как в арабском подлиннике, так и в русском переводе.

Каждому отрывку (или нескольким отрывкам) предшествует краткая статья, в которой составители тома сообщают сведения об авторе и сочинении и приводят список литературы об этом авторе. Кроме того, книга содержит общую библиографию (стр. 323—332).

Во «Введении» (стр. 5—10) справедливо обосновывается важность арабских источников для воссоздания исторического прошлого народов Африки, кратко излагается история проникновения арабов в Африку, история изучения предмета, структура всего многотомного издания и данного тома.

Таким образом, рецензируемый том вполне отвечает главной цели предпринятого издания — предоставить в распоряжение советских африканистов, этнографов и историков материалы арабских сочинений по Африке. Составители проделали большую полезную работу по выявлению и отбору соответствующих арабских источников, умело используя имеющуюся научную литературу. Для этого требовалось знание как арабского, так и целого ряда европейских языков. Написанные ими краткие статьи об отдельных арабских авторах и сочинениях обнаруживают свободное владение предметом и библиографией, умение разбираться в громадной по объему арабоязычной литературе.

Особо следует отметить тот факт, что составители приложили много труда, чтобы облегчить читателю пользование изданием, снабдив его тщательно выполненными разнообразными указателями: аннотированным указателем имен собственных (стр. 334—344), указателем названий сочинений (стр. 345—346), указателем географических, этнических и астрономических названий с аннотациями и библиографией (стр. 347—387) и.